

Талгат Серикбай

ИСТОРИЯ КОРРУПЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ КАЛАШНИКОВА

Ироническая повесть

Талгат Серикбай

История коррупции следователя Калашникова

<https://litres.ru/74621577>

SelfPub; 2026

Аннотация

****История коррупции следователя Калашникова****

Ироническая полудетективная повесть

Что происходит за закрытыми дверями правоохранительных органов? Как честные намерения уживаются с незаконными деньгами, а борьба с преступностью превращается в прибыльное занятие?

Максат Калашников мечтал стать генералом, но оказался слишком независимым для системы, в которой профессиональные заслуги не всегда значат больше, чем умение делиться с начальством.

От милицейской школы до кабинетов финансовой полиции и КНБ — его путь наполнен невероятными, смешными, а порой и тревожными историями о взятках, служебной карьере, человеческих слабостях и негласных правилах власти.

Основанная на реальных служебных историях, эта повесть с юмором и самоиронией показывает правоохранительную систему изнутри — без героизации и без прикрас.

****Это история не о том, как один человек победил коррупцию.
А о том, как он пытался остаться самим собой, став частью этой
системы.****

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Талгат Серикбай История коррупции следователя Калашникова

Глава

**ТАЛГАТ СЕРИКБАЙ
ИСТОРИЯ КОРРУПЦИИ**

СЛЕДОВАТЕЛЯ

КАЛАШНИКОВА

ироническая повесть о правоохранительной системе
АЛМАТЫ · 2026

Содержание

Предисловие. Не попался — герой 4

Глава 1. Сам по себе 10

Глава 2. Стучаться надо ногами 22

Глава 3. Пятьдесят долларов и красные «Жигули» 43

Глава 4. ГСК: справедливый раздел 58

Глава 5. Финпол: управление доходами 72

От автора

Эта повесть основана на служебных историях и воспоминаниях людей, знавших правоохранительную систему изнутри. Персонажи и события литературно переработаны, диалоги реконструированы. Отдельные рассказы, подозрения и оценки передают представления их участников, а не выводы суда. Эта книга — художественное повествование, а не обвинительный акт.

Предисловие. Не попался — герой

Первую шутку этой книги мне рассказали как служебный анекдот. Позднее я понял: у анекдотов, выросших в милицеских кабинетах, часто бывали совсем не смешные последствия. Но начнём всё-таки со смеха. Иначе некоторые вещи невозможно рассказать. Однажды в областном управлении милиции обнаружили сотрудника, который больше года не получал зарплату. Ведомство переживало разные времена, но такое проявление финансовой независимости застало бухгалтерию врасплох.

Зарплату тогда выдавали в кассе. Сначала очередь, потом давка, затем окошечко, возле которого выяснялось, что кассир как раз ушла обедать. И всё-таки люди приходили. А этот — нет. Ни в день выдачи, ни через неделю, ни через месяц.

Когда не востребованная сумма стала вызывать больше вопросов, чем ведомственная отчётность, сотрудника вызвали к начальству.

Разбор устроили с размахом. Собрали начальников управлений, рассадили вдоль длинного стола. Заместитель начальника областной милиции, грузный полковник лет пятидесяти, тяжело поднялся из кресла. Лицо его стремительно наливалось фиолетовым — цвета, который не был предусмотрен форменным обмундированием, но нередко сопровождал служебные совещания.

— Придурок! Почему зарплату не получаешь?!

Руководители, специально приглашённые для разбора этого чрезвычайного случая, опустили глаза. Районный оперативник стоял у стола и, судя по выражению лица, мечтал слиться с потёртым ковром. Ковёр, к сожалению, на равноправное сотрудничество не соглашался.

— Да некогда, товарищ полковник.

— Год некогда?

— Работаю.

— А живёшь на что?

— На зарплату жены.

— Жена у тебя кто?

— Учительница.

Кабинет взорвался хохотом. Смех не доказывал, что этот оперативник действительно получал взятки: ни денег, ни свидетелей, ни уголовного дела у смеявшихся не было. Но

он прекрасно показывал, какая мысль первой возникла у собравшихся. Версию о жизни на зарплату супруги-учительницы никто всерьёз не обсуждал. Все посмеялись и разошлись. Разбирательство закончилось без каких-либо последствий.

Когда я впервые услышал эту историю, тоже смеялся. В нашей среде милиционер, год не нуждающийся в государственной зарплате, и жена-учительница представляли собой готовый анекдот. Позднее мне стало не до смеха. Потому что интереснее самого опера оказались люди, которые смеялись: никто из них не счёл нужным спросить, что именно произошло на самом деле.

Время меняет не только отношение к историям, но и их смысл. В юности слышишь остроумную байку. Потом вдруг понимаешь, что весь юмор держался на допущении: незаконные доходы были настолько привычной темой разговоров, что отсутствие необходимости в зарплате казалось окружающим естественным. Неестественным считалось лишь неудачное оправдание.

У негласной служебной науки имелась своя таблица успеваемости. Попался — дурак. Не попался — герой. Поделился с начальством — человек коллектива. Для отличия этих званий от официальных погон даже не требовался отдельный приказ.

Никто такую таблицу не печатал, не утверждал приказом и не вывешивал в коридоре. А всё же многим удавалось сдавать по ней ежедневный зачёт. Особенно хорошо получалось

у тех, кто долго служил и быстро усвоил разницу между словом «преступление» и выражением «ну ты же понимаешь».

В газетах и по телевизору можно было услышать о задержанном чиновнике. А что происходит до задержания — в кабинетах, на совещаниях, у сейфа с вещественными доказательствами, в коридоре после допроса, — об этом широкой публике рассказывали значительно реже. На словах все боролись с коррупцией. В повседневности отдельных подразделений ею пользовались. Официальная и неофициальная жизнь протекали параллельно, почти не мешая друг другу.

В одном месте спрашивали о раскрываемости. В другом — о доле. Порой вопросы звучали на одном совещании. Дело можно было расследовать, затягивать, переквалифицировать, закрывать или превращать в источник заработка. Преступление по Уголовному кодексу и «нормальный разговор между своими» странным образом обозначали одно и то же событие.

Я не собираюсь выдавать несколько встреченных коллективов за всю страну и всех сотрудников за взяточников. Среди следователей, оперативников, судей и прокуроров всегда встречались порядочные люди и талантливые профессионалы. Но я хочу показать нравственную атмосферу, при которой даже достойный человек мог не удивляться предложению незаконных денег. И ещё — способность больших систем воспроизводить одни и те же привычки, сколько бы раз ни менялись вывески.

Финансовая полиция занималась финансовыми преступлениями. В некоторых её кабинетах обсуждение собственных доходов звучало убедительнее официального доклада. Милиция охраняла общественный порядок и иногда затевала споры о распределении поступлений так горячо, словно речь шла о государственном бюджете. Антикоррупционные подразделения разоблачали взяточников, а среди борцов встречались люди, прекрасно ориентировавшиеся в той же незаконной экономике.

В этой повести будет много смешного. Начальник, подавивший подчинённым по барану и ящику водки. Следовательно, за один месяц руководства купивший красные «Жигули». Оперативник, который почти год внедрялся в группу похитителей металла, а после задержания предложил занять освободившееся место. Такие истории и без писателя имеют отличное чувство юмора.

Но за удачными шутками обнаруживалась вещь совсем несмешная: когда продают служебное решение, товаром становится чужая судьба. Уголовное дело можно положить на стол как папку, а можно — как товар. Для того, чья фамилия написана на обложке, разница огромная. Поэтому судебная система и законность — не декорация государства, а его опора. Если опора сгнила, смена фасада ничего не решит.

Поэтому мне кажется недостаточным рассуждать лишь о громких задержаниях. Значение имеют назначения и проверки, подотчётность, независимость суда, достойное со-

держание сотрудников и неотвратимость ответственности. Сложнее всего изменить не вывеску учреждения, а старую привычку видеть в должности личный источник доходов. Любая реформа без перемены этой привычки рискует остаться свежей краской на прежней двери.

Эта книга не просьба похвалить рассказчика. Здесь не будет непогрешимого героя. Будут люди, которые плохо поступали и хорошо работали, любили детей и брали деньги, совершали нелепости и иногда проявляли настоящую храбрость. Я хочу лишь, чтобы о негласной стороне этой жизни перестали говорить одним шёпотом. О том, что знают многие, иногда полезно написать крупными буквами.

Итак, начнём. Там, где всё началось, государственную службу ещё никто не обсуждал. Зато уже существовал обшак.

Глава 1. Сам по себе

Девятый микрорайон

Максат с детства не мог взять в толк, почему желания одного человека должны становиться обязанностями всех остальных. Задачи по математике он решал легко. Физику понимал. Даже школьный поезд, выезжавший из пункта А навстречу другому поезду, не вызывал у него особенно-го недоверия. Но почему незнакомый мальчишка в девятом микрорайоне Джамбула вправе потребовать чужие карманные деньги, никакой логикой объяснить не удавалось.

— Деньги есть?

— Есть.

— Давай в общак.

— Нет.

— Ты что, не понял?

— Понял. В общак. Нет.

Собиратель посмотрел на него так, словно перед ним был не худой школьник, а серьёзная угроза финансовой устойчивости всего микрорайона. Максат выдержал взгляд. Признаться, героического удовольствия в этом не было. Просто платить за право спокойно пройти домой показалось ему ещё более унижительным, чем пережить неприятный разговор.

Обычно этим разговор и заканчивался. Максат не был дворовым чемпионом и уж точно не искал случая проверить прочность чужих челюстей. Драки он предпочитал обходить. Но существовал один предел уступчивости: чужого не брать и своего не отдавать под угрозой. Эта нехитрая бухгалтерия казалась сборщикам общака подозрительно независимой.

При этом знакомых у него хватало. Он одинаково неприуждённо разговаривал и с отличниками, и с ребятами, от которых взрослые предпочитали держать детей подальше. Но ни одна компания не могла назвать его окончательно своим. Для таких придумали краткое и точное обозначение: СПС — сам по себе. В девятом микрорайоне это была не должность, не привилегия и не почётное звание. Просто спо-

соб существования.

В классе положение было похожим. Домашних заданий Максат почти не делал, чем изрядно портил педагогическую статистику. На уроках схватывал быстро; на контрольной успевал решить оба варианта минут за двадцать и проводил оставшееся время в роли маленького учреждения по распределению интеллектуальной помощи.

— Максат, второй номер покажи!

Он поворачивал лист, если считал нужным.

— Максат, а мне?

— Потом.

— Когда потом?

— Когда сама решишь.

В одних случаях он помогал, в других — нет. Ни понятных правил, ни процедуры обжалования не существовало. Спустя много лет бывшая одноклассница подошла к нему и потребовала объяснений:

— Тебе что, жалко было мне дать списать?

Он задумался. Много лет работал с протоколами, обвинительными актами и показаниями, но мотивировку собственного школьного постановления так и не восстановил.

— Не знаю.

— Вот! А я помню.

Некоторые дела действительно не имеют срока давности.

Впрочем, с мальчишеским общаком дело было почти простым. Там по крайней мере всё называли своими именами.

ми: деньги требовали, потому что могли. Во взрослой жизни Максат ещё встретит людей, которые потребуют гораздо больше — и сделают вид, что оказывают услугу.

Жомарт

Старшеклассника Жомарта знала почти вся школа. Он занимался боксом и тяжёлой атлетикой, превосходил сверстников габаритами и довольно рано обнаружил приятную сторону физического превосходства: другие могут выполнять за тебя самые простые действия. Одного заставлял носить сумку, другого — бегать по поручениям. Третий помогал натягивать ему брюки перед физкультурой — при полном отсутствии медицинских показаний. Примерно так, наверное, и появляются первые штатные единицы будущих аппаратов начальства.

Однажды Жомарт встал на школьной лестнице, вооружившись длинной ручкой, и стал ударять проходящих мальчишек по голове. Первый втянул шею. Второй рассмеялся — так смеются над шуткой человека, которому не принято возражать. Третий даже извинился, хотя ещё не успел понять, за что. У Жомарта явно имелся педагогический талант, только применял он его без согласования с директором школы. Он подминал ребят по одиночке, начиная с внешне безобидных подколов и если жертва не подчинялась, то заканчивал прямой агрессией и избиением.

Когда удар достался Максату, тот остановился. Он понял, что пришла его очередь оказаться жертвой Жомарта. И если

промолчит, то следующая атака будет еще наглее. И Максат громко, так чтобы слышали все вокруг, с вызовом сказал:

— Ты совсем обнаглел, что ли?!

Жомарт медленно повернул голову.

— Пойдём поговорим.

Поговорить он обычно приглашал в туалет. Там, под аккомпанемент капающего крана, некоторые школьники неожиданно обретали желание носить чужие сумки.

Максат пошёл. Ему было страшно. Он прекрасно понимал, что Жомарт сильнее и умеет драться. Но отводить глаза не стал. Пока противник смотрел на него, Максат мысленно составлял совершенно негуманный план на вечер: если сейчас изобьёт, он найдёт его потом и ударит кирпичом по голове сзади. Мысль была подростковой, злой, необдуманной. Но она помогала стоять прямо.

Никто из них не произнёс слова «победа». Жомарт ушёл, Максат остался — и только тогда дал выход слезам. Ему было страшно всё это время. Он не превратился в супергероя и не стал вдруг сильнее боксёра. Просто не согласился принять чужую силу за закон. Этот урок оказался гораздо долговечнее многих школьных предметов.

Больше ни Жомарт, ни другие к нему не приставали. Общак продолжал жить, его сборщики продолжали делать карьеру, а Максат остался СПС. Эта аббревиатура ещё не раз пригодится ему во взрослой жизни.

Парашютный спорт

В десятом классе в соседней школе открыли секцию ДОСААФ.

Парашюты! Самолёты! Небо!

Желающих записаться оказалось столько, будто всем предлагали не прыгать с высоты нескольких сотен метров, а бесплатно слетать на курорт. Записались едва ли не два класса целиком. Пока парашют существует только на картинке, а самолёт стоит на земле, смельчаков обычно значительно больше, чем свободных мест на борту.

Но занятия постепенно внесли свои коррективы.

Сначала часть добровольцев обнаружила, что у них появились чрезвычайно важные школьные дела. Другие неожиданно вспомнили о слабом здоровье. Третьи просто перестали приходить. После тренировок на парашютной вышке в Каратау осталось человек десять. К настоящему прыжку добрались лишь самые настойчивые. Или самые любопытные. Максат пока не определился, к какой категории относился сам.

Прыгать предстояло с самолёта Ан-2, который все привычно называли кукурузником.

Новичков поднимали группами по десять человек.

Ещё до своего вылета Максат успел понаблюдать за предыдущими заходами. Зрелище оказалось поучительным. На земле некоторые будущие парашютисты держались настоящими героями. Шутили, смеялись, снисходительно поглядывали на тех, кто волновался. Но стоило самолёту на-

брать высоту, а инструктору открыть дверь, как героизм отдельных товарищей начинал стремительно испаряться.

Одни в последний момент отказывались прыгать. Другие цеплялись за что попало. Третьи вдруг обнаруживали, что очень любят жизнь и совершенно не желают расставаться с самолётом. Инструкторы относились к подобным открытиям без особенного сочувствия. Это были крупные, крепкие мужчины, которые явно не собирались тратить драгоценное лётное время на продолжительные психологические консультации.

Особенно нерешительных они попросту выпихивали из самолёта. Иногда довольно энергично. Несчастный парашютист сопротивлялся, кричал, пытался ухватиться за что-нибудь прочное, но инструктор обладал неоспоримым преимуществом: он уже твёрдо решил, что курсант прыгнет. И, в отличие от самого курсанта, своего решения не менял. Особую пикантность происходящему придавало присутствие молоденьких девушек-парашютисток.

Девушки были уже опытными спортсменками, высоты не боялись и наблюдали за мужскими страданиями с нескрываемым удовольствием. Некоторые откровенно смеялись. Максат смотрел на всё это и постепенно начинал понимать, что самое неприятное в предстоящем прыжке — вовсе не высота. Самое неприятное — оказаться одним из тех, кого с криками и позорным сопротивлением выталкивают из самолёта под весёлый смех девушек.

Нет уж.

Такого удовольствия он им доставлять не собирался.

Перед посадкой новичков взвесили. Максат был худым, но неожиданно оказался самым тяжёлым среди своей десятки. По какой-то известной только инструкторам аэродромной арифметике это означало, что прыгать первым должен именно он.

— Ты первый, — сообщили ему.

— Почему я?

— Самый тяжёлый.

Максат посмотрел на остальных. Среди них были ребята, которые выглядели значительно упитаннее.

Но весы, как известно, в дискуссии не вступают.

Пришлось смириться. В самолёте он занял своё место. Рядом находились опытные девушки-парашютистки. Они спокойно разговаривали, шутили, обсуждали какие-то свои дела. Судя по их поведению, ничего особенного не происходило. Ну подумаешь, самолёт. Ну подумаешь, несколько сотен метров высоты. Сейчас откроют дверь, все выйдут.

Обычная прогулка. Максат старательно изображал такое же спокойствие. Получалось не очень. Самолёт набирал высоту. Двигатель гудел, корпус вибрировал, а за небольшими окнами постепенно удалялась земля. Когда инструктор открыл дверь, внутрь ворвался холодный воздух. Максат посмотрел вниз. И сразу понял, что с земли высота представлялась гораздо привлекательнее.

Дома стали маленькими. Дороги — тонкими полосками. Люди вообще куда-то исчезли. Земля находилась так далеко, что здравый смысл настойчиво рекомендовал никуда не выходить.

— Приготовиться!

Максат поднялся. Подошёл к открытой двери. За спиной стоял инструктор. Крупный, невозмутимый мужчина, который, вероятно, уже не одну сотню раз наблюдал подобные сцены. Максат вспомнил предыдущие заходы. Вспомнил, как курсанты цеплялись за дверные проёмы. Как их отрывали от самолёта. Как они кричали.

Как смеялись девушки.

И представил, что сейчас произойдёт то же самое.

Вот он откажется прыгать.

Начнёт пятиться. Инструктор решительно вмешается.

И Максат всё равно окажется в воздухе.

Только ещё и опозорится. Перспектива была отвратительная.

Нет. Лучше самому.

— Пошёл! — скомандовал инструктор.

Максат шагнул в пустоту. В лицо ударил воздух. Самолёт мгновенно остался где-то позади. Земля, которая ещё секунду назад мирно находилась внизу, теперь стремительно приближалась. Максат начал отсчитывать положенные секунды.

— Пятьсот тридцать один!

Ветер свистел в ушах.

— Пятьсот тридцать два!

Он старался не думать о расстоянии до земли.

— Пятьсот тридцать три!

Дёрнул кольцо. И... Ничего. Во всяком случае, того сильного рывка, которого он ожидал, не последовало.

Не раскрылся!

За одну короткую секунду Максат успел испугаться гораздо сильнее, чем за всё время подготовки к прыжку. Только что он боялся прыгать. Теперь боялся не долететь до земли в целом виде. Разница оказалась существенной. Он резко поднял голову.

И увидел над собой огромный белый купол.

Парашют раскрылся. Причём совершенно нормально. Просто ожидаемого рывка Максат почему-то не почувствовал. Он облегчённо выдохнул.

Вот чёрт. А я уже подумал...

Теперь можно было заняться остальными положенными действиями. Максат выдернул чеку запасного парашюта. Через несколько секунд механизм сработал вхолостую. Тихо. Без всяких драматических последствий.

Всё происходило именно так, как должно было происходить.

Максат наконец осмотрелся. Большой белый купол спокойно держал его в воздухе. Внизу медленно приближалась земля. Самолёт уже находился далеко. Вокруг было удивительно тихо.

Никто не командовал.

Никто не кричал.

Никто не собирался выталкивать его из самолёта.

И главное — никакие девушки над ним больше не смеялись. Он спокойно опустился на землю.

Первый прыжок состоялся.

Самостоятельно. Без посторонней помощи. Без криков и сопротивления. Максат был собой вполне доволен. А потом выяснилось самое интересное. Остальные девять новичков тоже прыгнули самостоятельно.

Все до единого.

Никого не пришлось уговаривать.

Никто не цеплялся за самолёт.

Никого не выталкивали пинками. Девушки-парашютистки вообще остались без развлечения. Получалось, что Максат напрасно воображал себе предстоящий позор. Впрочем, особенного разочарования он не испытывал.

Главное — прыгнул.

А уж почему решился, теперь было не так важно. Потом состоялись ещё два прыжка. Они прошли значительно спокойнее, без особенных приключений. К третьему разу Максат уже знал, чего ожидать, и относился к происходящему почти по-деловому. Конечно, до беззаботности опытных девушек-парашютисток ему было ещё далеко.

Но, по крайней мере, при виде открытой двери самолёта уже не возникало непреодолимого желания вернуться до-

мой. Когда после трёх прыжков ему вручили свидетельство парашютиста, Максат испытывал вполне законную гордость.

Три прыжка.

Все самостоятельные.

Ни одного пинка от инструктора. Последнее обстоятельство он считал особенно важным.

И ещё он понял одну простую вещь.

Бояться можно сколько угодно. Главное — чтобы в нужный момент страх не начал командовать вместо тебя. С этим открытием Максат и закончил свою короткую парашютную карьеру.

Следователь из телевизора

Будущую профессию Максат выбирал под влиянием фильмов о милиции. Особенно любил «Инспектора Лосева». Там следователь задавал правильные вопросы, замечал мелочь и шаг за шагом находил истину. Настоящая работа головы — именно это ему нравилось.

В телевизоре начальники говорили о законе, свидетели давали показания, подозреваемые нервничали. Никто не обсуждал при юном зрителе денежные доли и не требовал прийти в кабинет с бутылкой водки. Впоследствии Максат подозревал сценаристов в недобросовестном сокрытии наиболее жизненных подробностей милицейского быта.

Но тогда он видел себя следователем. В форме. За столом. С уголовным делом, которое необходимо раскрыть. И, конечно, когда-нибудь генералом. Потому что мечтать лучше

с запасом. Он представлял следователя человеком, который задаёт точный вопрос и замечает даже то, о чём собеседник упорно молчит. Эта работа казалась ему интереснее любого высокого кабинета.

Глава 2. Стучаться надо ногами

Стажёр без оклада

Шестнадцатилетний стажёр выглядел слишком юным для милицейского кабинета и слишком серьёзным для своего возраста. Днём работал токарем — там стружка летела честно, и неправильно обточенную деталь можно было увидеть сразу. Вечером бесплатно ходил в уголовный розыск. Здесь ошибки иной раз обнаруживались через годы, а иногда предпочитали не обнаруживаться совсем.

Первый день начался торжественно. Начальник завёл мальчишку в кабинет, где за столами сидели двое оперативников.

— Вот вам стажёр. Пусть ума набирается.

Дверь закрылась. Алишер листал бумаги. Кислов что-то писал. Стажёр сел на стул. Тишина становилась профессиональной. Взрослые люди умели не замечать посетителя с таким мастерством, будто это входило в инструкцию. Минут через двадцать Кислов наконец поднял голову.

— Ты чего сидишь?

— Я стажироваться пришёл.

— Тебя стучаться учили?

— Я стучался.

— Значит, неправильно. Ногами надо.

— Почему ногами?

Алишер посмотрел на Кислова, потом на юного гостя:

— Потому что руки должны быть заняты.

— Чем?

— Водкой, — ответил Кислов с видом преподавателя, наконец увидевшего способного ученика.

— А следить за преступниками когда будем? — хотел спросить Максат, но вовремя остановился. Судя по уверенности наставников, сначала предстояло усвоить правила входа в кабинет. К оперативной работе, наверное, допускали на следующем занятии.

Максат сбегал за двумя бутылками. Вопрос с дверным этикетом был решён почти мгновенно: наставники оказались вполне приветливыми, а казённый кабинет вдруг сделался похож на клуб по интересам. За столом сидели два опытных оперативника и шестнадцатилетний стажёр, который, по первоначальному плану, должен был изучать способы розыска преступников.

Ни одного скрывавшегося преступника за вечер, насколько он помнил, не нашли. Зато новичок был принят в коллектив с такой скоростью, какой не добьёшься никакой служебной характеристикой.

Позже он не раз возвращался мыслями к этим двум бутылкам. Были ли они взяткой? За них не прекращали дело и

не выдавали секретных сведений. Но после них мальчишка, которого только что не замечали, неожиданно стал «своим». Значит, платили всё-таки не за услугу, а за допуск в круг. И это оказалось его первой практической лекцией по неписаным правилам службы.

Но тогда он не строил объяснений: он мечтал попасть в милицию и радовался, что взрослые оперативники разговаривают с ним как со своим.

Он ещё не знал, как часто во взрослой службе будут встречаться люди, предлагающие купить не решение, а расположение; не помощь, а знакомство; не нарушение закона, а право называться своим. Две бутылки оказались скромной ценой за первое знакомство с механизмом.

Курсы молодого коррупционера

В высшей школе милиции Максата Калашникова встретили строгий распорядок дня, казарменная дисциплина и удивительное разнообразие способов добиться для себя небольших жизненных преимуществ. Начиналось всё с кроватей. Кровати были казённые, железные, совершенно одинаковые. Но курсанты почему-то относились к выбору спального места так, словно им предстояло распределять квартиры в центре Алма-Аты.

Один хотел спать возле окна. Другой утверждал, что возле окна сквозняк и лучше расположиться у стены. Третий предпочитал место подальше от двери, чтобы дежурный по роте не будил его первым. Четвёртый вообще считал, что кровать

у стены принадлежит ему по праву первооткрывателя.

Спорили, доказывали, иногда выясняли отношения на повышенных тонах. Впрочем, серьёзных конфликтов почти не случалось. Учёба отнимала слишком много времени, да и публика собралась своеобразная. Большинство ребят умели постоять за себя, а потому желающих устанавливать казарменные порядки исключительно с помощью кулаков находилось немного.

Максат довольно быстро освоился. Ему нравилась учёба. Уголовное право, уголовный процесс, криминалистика, логика расследования — всё это казалось не просто интересным, а настоящим делом. Особенно его привлекала криминалистика. Следы, доказательства, версии, противоречия. Возможность по нескольким, на первый взгляд не связанным между собой обстоятельствам восстановить событие преступления.

Максат мог часами разбирать запутанную следственную задачу, пытаясь понять, что произошло на самом деле. Правда, вскоре он обнаружил, что в высшей школе милиции существует ещё одна дисциплина. В официальном учебном плане её не было. Лекций по ней не читали. Зачётов не проводили.

Тем не менее многие курсанты приступили к её изучению задолго до поступления. Называлась эта дисциплина просто: умение решать вопросы.

И преподавалась она исключительно на практике.

Первое серьёзное знакомство Максата с особенностями милицейского образования произошло уже во время первой экзаменационной сессии. В их взводе учился курсант по фамилии Саахов. Внешне он ничем особенным не выделялся. Носил такую же форму, ходил строем, выполнял команды и вообще производил впечатление вполне обычного будущего сотрудника правоохранительных органов.

До первого экзамена. Когда Саахов оказался перед преподавателем, выяснилась одна небольшая проблема. Он практически не умел читать. Сначала преподаватель, видимо, решил, что курсант волнуется.

— Ну что же вы, товарищ курсант? Читайте вопрос.

Саахов напряжённо посмотрел на бумагу.

— Милица.

Преподаватель поднял голову.

— Что?

— Милица.

— Вы вопрос прочитайте.

Саахов снова уставился в листок, словно рассчитывал, что буквы наконец договорятся между собой и сложаются в понятные слова.

— Милица.

Преподаватель снял очки.

— Товарищ курсант, вы можете объяснить, что это означает?

— Милица.

На этом словарный запас будущего защитника правопорядка в отношении экзаменационного билета, по существу, закончился. Преподаватель предпринял ещё несколько попыток наладить академическое общение, но каждый раз получал один и тот же ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.